

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПРЕДЛОГА

Л. КАРПОВ

Различного рода отношения (грамматические, смысловые), формирующие ту или иную синтаксическую единицу, в русском языке выражаются, как правило, при помощи предлогов, падежей, связок, союзов. В других языках возможно использование послелогов, порядка слов, интонации. Вопрос о природе значения названных грамматических средств, без всякого преувеличения, является одним из самых сложных в кругу современных проблем значения. В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением этого вопроса на материале предлогов.

Общепринято говорить об отсутствии лексического значения у предлогов¹. Они обладают грамматическим значением отношения. Что же касается характера этого отношения, то здесь существует несколько точек зрения. Напр., Е. Т. Черкасова считает, что предлог выражает не смысловые отношения, а „отношения синтаксической обусловленности и зависимости падежных форм“². Совершенно иначе этот вопрос решает Л. Н. Попова. Она рассматривает грамматическое значение предлога как „семантически [разрядка моя. — Л. К.] определенный тип отношений между господствующим и зависимым членом словосочетания“³. Последнюю точку зрения следует считать преобладающей. Напр., Н. Н. Леонтьева и С. Е. Никитина также проводят мысль о том, что конкретное смысловое отношение между понятиями и есть значение предлога⁴.

Сторонники этой точки зрения к числу факторов, определяющих значение предлога, обычно относят следующие: 1) лексическое значение главного компонента словосочетания, 2) лексическое значение зависимого компонента,

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский считал, что предлоги имеют лексическое значение: Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, СПб., 1902, стр. 260—261.

² Е. Т. Черкасова, К вопросу об образовании отглагольных предлогов, „Исследования по синтаксису русского литературного языка“, М., 1956, стр. 133.

³ Л. Н. Попова, Причинные оттенки некоторых предлогов в русском языке, „Филологические науки“, 1958, 3, стр. 33.

⁴ Н. Н. Леонтьева, С. Е. Никитина, Опыт описания семантики предлогов, „Машинный перевод и прикладная лингвистика“, вып. 8, 1964.

3) падежная форма зависимого компонента⁵. Кроме того, исследователи допускают мысль, что предлог сам может обладать каким-то значением, которое не обусловлено окружением. Так, В. С. Бондаренко констатирует, что „предлог и сам независимо от других частей словосочетания, может выступить дифференциатором значений“⁶. И приводит примеры: *прибыть с рекомендацией — прибыть за рекомендацией*. У З. Д. Поповой вопрос об инвариантном значении предлога сформулирован еще более четко. Он приобрел форму логической связи между конкретными и абстрактными значениями предложно-падежного сочетания⁷. Аналогичную мысль высказывает и Л. Н. Попова: „... в роли подосновы (внутренней мотивировки) смыслового содержания, закрепленного за предлогом, выступает одно из первичных значений предлога, обычно пространственное или временное“⁸.

Таким образом, намечается тенденция различать значение, обусловленное окружением, и значение инвариантное, независимое от окружения. Напр., А. Н. Копылов⁹ выделяет у предлога синтагматическое (речевое) значение и парадигматическое (языковое). Речевое значение выявляется в зависимости от окружения. Языковое значение — это то, что отличает данный предлог от других.

Наиболее изученным в нашей литературе является речевое значение предлогов. Однако и здесь характеристику значения нельзя считать исчерпывающей. Обычно эта характеристика сводится к указанию на лексические классы зависимых существительных, с которыми употребляется данный предлог. Иногда к характеристике привлекаются лексические классы главного компонента словосочетания. При этом из виду упускается то очень важное обстоятельство, что в предложении на базе лексических значений слов возникают смысловые связи, образующие смысловую структуру предложения. Указание на употребление предлога в тех или иных смысловых структурах, на наш взгляд, может служить существенной характеристикой предлога. В качестве примера рассмотрим причинные конструкции.

В зависимости от смыслового соотношения между обстоятельством причины и субъектом (подлежащим) предложения будем различать три типа причины: 1) „субъектную“ причину (причина „принадлежит“ субъекту): *по*

⁵ См., напр.: В. С. Бондаренко, Предлоги в современном русском языке, М., 1961, стр. 10; П. П. Шуба, Прыназоўнік у беларускай мове, Мінск, 1971, стр. 81.

⁶ В. С. Бондаренко, Там же.

⁷ З. Д. Попова, Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века, Воронеж, 1969, стр. 13.

⁸ Л. Н. Попова, Указ. статья, стр. 33.

⁹ А. Н. Копылов, О речевом и языковом значении предлогов, „Язык и речь“ (Тезисы докладов), М., 1962, стр. 38—40.

глупости ушел с концерта; 2) „объектную“ причину (причина „принадлежит“ объекту): *его наградили за смелость*; 3) „внешнюю“ причину (причина „не принадлежит“ ни субъекту, ни объекту): *вернулись домой из-за плохой погоды*. Если компоненты смысловой структуры причинных конструкций обозначить символами (S – субъект, O – объект, C – причина, R – следствие, если наличествует O, P – следствие, если отсутствует O, \neg – знак, указывающий на принадлежность причины), то типы смысловых структур можно записать следующим образом: 1) \overline{SROC} , \overline{SPC} ; 2) $\overline{SRO\bar{C}}$; 3) $\overline{SRO\bar{C}}$, \overline{SPC} ¹⁰. Если разница в характере следствия (сказуемого) для нас различна, то символы P и O мы будем заменять символом V.

Предлоги современного русского языка характеризуются употреблением в следующих структурах. Напр., предлог *из* употребляется только в структуре \overline{SVC} . Предлог *от* может употребляться в структурах \overline{SVC} и \overline{SVC} , но никогда в структуре $\overline{SRO\bar{C}}$. Предлог *за* (+ вин. п.) встречается в структурах \overline{SVC} и $\overline{SRO\bar{C}}$, но невозможен в структуре \overline{SVC} . Предлог *с* (+ род. п.) отмечен в структурах \overline{SVC} и \overline{SVC} , но ни разу не встретился нам в структуре $\overline{SRO\bar{C}}$. Предлог *на* (+ предл. п.) употребляется только в структуре \overline{SVC} .

Значительное влияние на формирование речевого значения предлога оказывают и грамматические факторы: грамматические свойства главного и зависимого компонентов словосочетания, а также грамматические особенности всего предложения¹¹. Напр., предлог *из* характеризуется не только употреблением в структуре \overline{SVC} , но и тем, что образуя предложно-падежную форму, не встречается с безличными глаголами. В безличных предложениях данное обстоятельство причины непосредственно синтаксически связано не с безличным глаголом, а с инфинитивом, напр.: *Возьмите лист бумаги и запишите на нем все темы, которых не следует касаться из праздного любопытства* (К. Паустовский). Другими словами, в безличных предложениях предлог *из* употребляется исключительно при наличии составного глагольного сказуемого. Так что непосредственное синтаксическое окружение

¹⁰ Подробнее о смысловой структуре причинных конструкций, а также о принципах и критериях ее установления, см. мою статью: Об одном подходе к анализу и классификации причинных словосочетаний современного русского языка, „Československá rusistika“, XVII, 1972, 4.

¹¹ Роль некоторых грамматических факторов исследуется Л. Н. Поповой на материале предлога *от*: Л. Н. Попова, О значении предлога в современном русском языке (Предлог *от* + родительный падеж в значении причины), „Исследования по грамматике русского языка“, Уч. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова, вып. 38, № 235, 1958.

обстоятельства причины и здесь аналогично окружению в личном предложении. Кроме того, в причинных конструкциях с предлогом *из*, как правило, используется активный оборот, случаи использования пассивного оборота совершенно единичны.

Выясняя роль смысловой и грамматической структуры предложения в формировании значения предлога, мы предполагали, что речевое значение предлога определяется окружением, а языковое — соотношением с другими предлогами. Между тем, ясность в этом вопросе лишь кажущаяся. Во-первых, есть очень серьезные основания сомневаться в том, что непременно все оппозиции предлогов относятся к сфере парадигматических. Во-вторых, в силу эллиптичности многих конструкций¹² мы не всегда в состоянии точно определить окружение (дистрибуцию) предлога. В-третьих, мы не можем быть уверены в том, что всякое окружение, в которое попадает предлог, является релевантным для характеристики этого предлога.

Начнем с первого замечания. Для этого рассмотрим следующие русские фразы: 1) *он положил книгу под стол*, 2) *книга лежит под столом*, 3) *он взял книгу из-под стола*. Обычно здесь принято различать три (иногда два) предлога: *под* (+ вин. п.), *под* (+ тв. п.), *из-под* (+ род. п.). Теперь переведем эти примеры на эстонский язык: 1) *ta pani raamatu laua alla*, 2) *raamatlebab laua all*, 3) *ta võttis raamatu laua alt*. Слово *laua* „стол“ стоит здесь не в трех падежах, как в русском языке, а в одном — родительном падеже (*omastav*). Более того, трем русским предлогам соответствует один эстонский послелог, который стоит соответственно в трех падежах: *alla* — аллатив (*alaleütlev*), *all* — адессив (*alalütlev*), *alt* — аблатив (*alaltütlev*).

Таким образом, в эстонском языке оппозиция *alla* (+*omastav*) — *all* (+*omastav*) — *alt* (+*omastav*) является не парадигматической, а синтагматической, так как мы имеем один и тот же послелог. Это наводит на мысль, что и в русском языке перед нами не три (или два) предлога, а один. Тем самым мы сталкиваемся с проблемой идентификации элементов на основе дистрибутивного анализа¹³.

Основным признаком тождества рассматриваемых элементов является дополнительная дистрибуция (ДД), т. е. такое взаимное отношение элементов, при котором они никогда не встречаются в одинаковых контекстах. С

¹² Наблюдения С. Е. Никитиной показывают, что семантический эллипсис в предложных сочетаниях не столь уж редкое явление в русском языке: С. Е. Никитин а, О семантическом эллипсисе в предложных сочетаниях (к постановке вопроса), „Проблемы лингвистического анализа“, М., 1966.

¹³ О технических вопросах идентификации элементов см., напр.: Г. Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, гл. 6, 7, 12, 13.

этой позиции и рассмотрим интересующие нас предлоги. Вернемся к примеру *положил книгу под стол*. Пожалуй, не вызовет возражений утверждение, что приведенная фраза имплицитно содержит в своей семантике информацию, которая заключена в другой фразе, а именно: *книга находится под столом*¹⁴. О примерах вроде *взял книгу из-под стола* можно сказать, что они предполагают *книга не находится под столом*. В приведенных примерах отчетливо выделяются три типа окружения. Некаузативные глаголы нахождения (V_1): *находиться, лежать, расположиться, раскинуться* и т. д. Каузативные позитивные глаголы нахождения (V_{+c}): *класть, сесть, войти, прибежать* и т. д. Каузативные негативные глаголы нахождения (V_{-c}): *взять, встать, выйти* и т. д. Напр., каузатив *войти* мы рассматриваем как *каузировать находиться*. Тот факт, что значение позитивной или негативной каузации не обнаруживается у многих глаголов вне контекста (напр., *приехать*), вовсе не отрицает наличия указанных типов окружения, так как речь идет об установлении именно типов окружения, а не лексических классов глаголов; ср.: *приехал из Москвы – приехал в Москву*.

Таким образом, мы располагаем тремя типами контекста: 1) (V_{+c} , L), где L – обстоятельство места, 2) (V_1 , L), 3) (V_{-c} , L). Непосредственное отношение к этим контекстам имеет и смысловая структура предложения. Если в причинных конструкциях нами было установлено три типа структур (\downarrow SVC, SROC, SVC^r), то здесь необходимо различать два следующих типа. Напр., каузатив *вошел* может быть рассмотрен как *каузировал себя находиться*: объект совпадает с субъектом. Каузативы *класть, нести* и под. интерпретируем как *каузировать кого-л. | что-л. находиться*. В этом случае объект не совпадает с субъектом. При необходимости различать эти два типа смысловых структур вместо общего символа V мы будем использовать соответственно P и RO: SPL и SROL. (Символ S, обозначающий субъект, в дальнейшем мы будем опускать; кроме того, после символов P и RO будем ставить запятую, что связано с представлением о контексте как об упорядоченной паре последовательностей). Для различения падежей, в которых стоят зависимые имена, мы используем цифры при символе L: именительный падеж – 1, родительный – 2, дательный – 3, винительный – 4, творительный – 5, предложный – 6. Напр., фразы *Иван вошел в комнату, Иван положил книгу на стол* можно записать так: (P_{+c}, L₄), (R₁O, L₄).

¹⁴ Впервые этот факт отметил Дж. Лайэнс. Он пишет, что фраза *John has gone to San Francisco* „Джон приехал в Сан-Франциско“ предполагает *John is in San Francisco* „Джон находится в Сан-Франциско“. Подобные явления он считает идентичными на уровне „глубинной“ структуры, см.: J. Lyons, *Introduction to Theoretical Linguistics*, Cambridge, p. 398.

Рассмотрим примеры:

1. *положил книгу на стол* — книга находится на столе — *взял книгу со стола*
2. *положил книгу в стол* — книга находится в столе — *взял книгу из стола*
3. *положил книгу за стол* — книга находится за столом — *взял книгу из-за стола*
4. *положил книгу под стол* — книга находится под столом — *взял книгу из-под стола*.

Из этих примеров явствует, что различия между предложениями, расположенными, так сказать, „по вертикали“, определяются не контекстом, а соотношением самих предлогов, т. е. их парадигматическими оппозициями. Различия же между предложениями, расположенными „по горизонтали“, связаны с контекстами ($R_{+c}O, L$), (P, L), (R_{-c}, L), ($R_{-c}O, L$). Каждый из этих предлогов употребляется в таком контексте, в котором невозможен любой другой предлог. Иначе говоря, данные предлоги находятся в отношении ДД. Таким образом, далеко не все оппозиции предлогов являются парадигматическими, т. е. не все различия между предложениями характеризуют их языковое значение. Предлоги, находящиеся в отношении ДД, будем называть синтагматическим рядом. Оппозиции предлогов, образующих синтагматический ряд, представляют собой, следовательно, синтагматические оппозиции. Отсюда ясно, что в подобных случаях парадигматические оппозиции образуются только синтагматическими рядами.

Необходимо отметить, что синтагматический ряд устанавливается на основе отношений ДД, а не по смысловым связям. Напр., очень соблазнительно объединить предлоги *до*, *в* (+предл. п.), *после* (*до воскресенья*, *в воскресенье*, *после воскресенья*) в один синтагматический ряд. Но этого делать нельзя, так как данные предлоги не находятся в отношении ДД (строго говоря, здесь отношения свободной дистрибуции): *написал статью до воскресенья*, *написал статью в воскресенье*, *написал статью после воскресенья*. Так что оппозиции этих предлогов не синтагматические, а парадигматические.

Итак, одним из признаков синтагматической оппозиции предлогов являются отношения ДД. Между тем несомненен и тот факт, что существует определенная иерархия контекстов, в силу которой отношения ДД между предложениями могут быть заслонены побочными обстоятельствами. Напр., С. Маркус прямо замечает по этому поводу: „Необходимость этого отбора [контекстов. — Л. К.] вызвана тем, что разные контексты, в которые попадает данный элемент, не в равной степени характерны для его синтаксической функции. Существует иерархия контекстов...“¹⁵. Рассмотрим такие фразы: *бегает в комнату* —

¹⁵ С. Маркус, Теоретико-множественные модели языков, М., 1970, стр. 225.

бегают в комнате, прыгает на стол – прыгает на столе. Эти примеры говорят о том, что предлоги, напр., *на* (+вин. п.) и *на* (+ пр. п.), не находятся в отношении ДД. Следовательно, они образуют не синтагматическую оппозицию, а парадигматическую. Однако было бы поспешно делать такие выводы. Дело в том, что фразы типа (V_{+c}, L_4) находятся в тех же отношениях с фразами типа (V_{+c}, L_8) , что и с фразами типа (V_1, L_8) ¹⁶. Иначе говоря, соотношение таково:

$$\begin{aligned} \text{прыгает на стол} &- \left\{ \begin{array}{l} \text{прыгает на столе} \\ \text{находится на столе} \end{array} \right. \\ \text{бегают в комнату} &- \left\{ \begin{array}{l} \text{бегают в комнате} \\ \text{находится в комнате} \end{array} \right. \end{aligned}$$

Это значит, что оппозиция $(V_{+c}, L_4) - (V_{+c}, L_8)$ является не парадигматической, а синтагматической, точнее – периферийной синтагматической оппозицией. А оппозиция $(V_{+c}, L_4) - (V_1, L_8)$ представляет собой центральную синтагматическую оппозицию. Разница между центральной и периферийной оппозициями станет ясной не только интуитивно, но и формально, если мы введем понятия индуцированного и диагностического контекстов. Эти понятия использует С. Маркус в своей математической модели падежа: „Будем говорить, что контекст (f_1, f_2) индуцирован последовательностью g , если существует такое слово x , что $g = f_1 x f_2$, т. е. если этот контекст получен исключением слова x из последовательности g “¹⁷. Контекст (f_1, f_2) называется индуцированным, а контекст g – диагностическим. С этой точки зрения (V_{+c}, L_8) мы рассматриваем как контекст, индуцированный диагностическим контекстом $((V_{+c}, \emptyset), (V_1, L_8))$, где \emptyset – нулевой член контекста. В этом случае наши примеры могут быть представлены следующим образом:

$$\begin{aligned} (\text{прыгает, на стол}) &- \left\{ \begin{array}{l} (\text{прыгает, } \emptyset), (\text{находится, на столе}) \\ (\text{находится, на столе}) \end{array} \right. \\ (\text{бегают, в комнату}) &- \left\{ \begin{array}{l} (\text{бегают, } \emptyset), (\text{находится, в комнате}) \\ (\text{находится, в комнате}) \end{array} \right. \end{aligned}$$

Таким образом, понятие диагностического контекста отражает иерархию контекстов и показывает, что формы типа *на стол*, *на столе* в любых случаях находятся в отношении ДД; ср.:

$$(V_{+c}, L_4) - ((V_{+c}, \emptyset), (V_1, L_8)) - (V_{-c}, L_2).$$

¹⁶ Не случайно оппозицию *прыгает на стол* – *прыгает на столе* Е. Курилович относил не к „центральной“, а к „периферийной“; см.: Е. Курилович, Проблема классификации падежей, в кн. „Очерки по лингвистике“, М., 1962, стр. 179, 190.

¹⁷ С. Маркус, Указ. работа, стр. 239.

При этом очень часто диагностическому контексту может соответствовать эмпирический коррелят: *бегает, находясь в комнате; прыгает, находясь на столе.*

Выше мы рассмотрели те контексты, которые закреплены грамматически, т. е. разными предлогами. Между тем возможны случаи, когда один и тот же предлог употребляется в нескольких контекстах. О таких контекстах мы говорим, что они не закреплены грамматически. То или иное соотношение грамматически закрепленных и грамматически незакрепленных контекстов мы рассматриваем в качестве еще одного фактора, определяющего речевое значение предлогов. Основным средством установления такого соотношения, на наш взгляд, является исчисление контекстов. В данном случае это исчисление таково: 1) (V_{+c}, L), 2) (V_1, L), 3) (V_{-c}, L), 4) ($V_{\pm c}, L$), 5) (V_{+cl}, L), 6) (V_{-cl}, L), 7) ($V_{\pm cl}, L$).

Напр., четвертый контекст отражает тот факт, что для некоторых предлогов противопоставление контекстов (V_{+c}, L) и (V_{-c}, L) нейтрализовано. Под этот случай попадают предлоги *мимо, через, сквозь, по* (+ дат. п.): *бежать мимо дома, бежать через поле, пробираться сквозь заросли, бежать по дороге.*

Контекст ($V_{\pm cl}, L$) отражает нейтрализацию сразу трех контекстов: (V_{+c}, L), (V_1, L), (V_{-c}, L). В этом контексте употребляются предлоги *между, перед, над*. Строго говоря, эти предлоги употребляются в контексте ($R_{\pm cl} O, L_5$). По крайней мере употребление в контексте ($P_{\pm cl}, L_5$) нами не зафиксировано¹⁸. Приведем примеры: *положи книгу между стульями – книга лежит между стульями – возьми книгу между стульями; повесь лампочку над столом – лампочка висит над столом – возьми лампочку над столом.*

Помимо всего, исчисление контекстов может служить средством типологического изучения предлогов в различных языках. Напр., отношения, выражаемые русским предлогом *над*, в эстонском языке передаются с помощью послелога *koha-*, который в зависимости от контекстов (V_{+c}, L), (V_1, L), (V_{-c}, L) принимает соответственно окончания *-le, -l, -lt*. Для примера переведем последние три фразы с предлогом *над*: *riputa [lamp laua kohale, lamp ripub laua kohal, võta lamp laua kohalt*. В этих примерах противопоставление указанных трех контекстов носит грамматический характер. В немецком языке русскому предлогу *над* соответствует предлог *über*, который характеризуется условиями употребления, отличными как от русского языка, так и эстонс-

¹⁸ Возможность контекста (P_1, L_5), напр. *книга лежит между стульями*, не отменяет данного положения, так как контекст ($R_{\pm cl} O, L_5$), отражает нейтрализацию контекстов ($R_{+c} O, L_5$), (P_1, L_5), ($R_{-c} O, L_5$). Контекст же ($P_{\pm cl}, L_5$) отражает нейтрализацию контекстов (P_{+c}, L_5), (P_1, L_5), (P_{-c}, L_5).

кого. Здесь нейтрализуется противопоставление контекстов (V₁, L) и (V_{-c}, L). Другими словами, грамматически закреплённая оппозиция такова: (V_{+c}, L₄) — (V_{-c}, L₃); ср.: *über den Tisch — über dem Tisch*. В этой связи интересно, что для литовского языка наиболее характерна следующая грамматически закреплённая оппозиция контекстов: (V_{+c}, L) — (V_{-c}, L). Напр.: *padėti knyga ant stalo* „положить книгу на стол“, *knyga guli ant stalo* „книга лежит на столе“ — *paimti knyga nuo stalo* „взять книгу со стола“. Аналогичная оппозиция и в английском языке: *on the table* „на стол, на столе“ — *off the table* „со стола“.

Теперь вернемся к понятию синтагматического ряда. Оно дает нам возможность установить еще один фактор, определяющий речевое значение предлога. Ряд предлогов, образованный всеми возможными контекстами, в которых предлоги находятся в отношении ДД (в нашем случае это будут контексты (V_{+c}, L), (V₁, L), (V_{-c}, L), назовем полным синтагматическим рядом. В тех случаях, когда один или несколько предлогов не употребляются в одном или нескольких контекстах, оставшиеся предлоги (или предлог) образуют неполный синтагматический ряд.

Примером полного ряда могут служить предлоги в следующих фразах: *лечь на дерево — сидеть на дереве — лечь с дерева; двигаться к Москве — быть у Москвы — двигаться от Москвы*. Предлог же *на* в примере *двигаться на Москву* будем считать неполным синтагматическим рядом, так как синтагматические корреляты данного предлога не употребляются в контекстах (V₁, L₆), (V_{-c}, L₂); ср.: **быть на Москве, *двигаться с Москвы*. В силу неполноты ряда (в данном случае в силу отсутствия центральных синтагматических оппозиций) изменяются парадигматические отношения данного предлога с другими. Напр., нейтрализуется противопоставление с предлогом *к*: *двигаться к Москве — двигаться на Москву*. Тем самым фраза *двигаться на Москву* становится периферийным членом другой оппозиции:

двигаться к Москве } — *быть у Москвы — двигаться от Москвы*
двигаться на Москву }

Это значит, что неполный синтагматический ряд исключается из парадигматического противопоставления, вследствие чего происходит перераспределение парадигматической значимости остальных членов парадигматической оппозиции. Напр., *жить под Москвой* не равнозначно *жить под землей*.

Подведем итоги.

Следует различать речевое и языковое значение предлога. При этом необходимо иметь в виду, что не все оппозиции предлогов характеризуют их языковое значение. Предлоги, находящиеся в отношении ДД, образуют не парадигматические, а синтагматические оппозиции. При выяснении этого об-

стоятельства оказалось, что существует определенная иерархия контекста на уровне речи. Эта реляционная иерархия отражается нами в понятиях диалектического контекста и типов синтагматической оппозиции (центральной и периферийная оппозиция).

К числу факторов, определяющих речевое значение предлога, мы относим следующие: 1) лексическое значение главного и зависимого компонент словосочетания, 2) грамматические свойства главного и зависимого компонентов, 3) грамматическую структуру всего предложения, 4) смысловую структуру предложения, 5) соотношение грамматически закрепленных и грамматически незакрепленных контекстов, 6) центральные синтагматические оппозиции предлогов, 7) периферийные синтагматические оппозиции.

Языковое значение, на наш взгляд, характеризуется оппозициями тем предлогов, о которых нельзя сказать, что они находятся в отношении ДД. Другими словами, в парадигматические оппозиции вовлекаются не только отдельные предлоги, но и синтагматические ряды предлогов. Количество членов парадигматической оппозиции может меняться, так как неполные синтагматические ряды исключаются из этой оппозиции. Отсюда проистекают два очень важных вывода: 1) языковое значение предлога не является абсолютным, оно зависит от синтагматических факторов, и прежде всего от степени полноты синтагматического ряда, а также от количества членов парадигматической оппозиции, 2) предлог полисемантичен на уровне языка.

ON THE MEANING OF THE PREPOSITION

L. KARPOV

Summary

In this paper paradigmatic and syntagmatic relations of prepositions are discussed. A preposition enters into syntagmatic relations with the other units of the same level with which it occurs and which constitute its context. But when some prepositions are in the complementary distribution we say that they represent one abstract preposition and constitute a syntagmatic set of prepositions. Therefore, paradigmatic relations are oppositions between syntagmatic sets of prepositions. The notion of diagnostic environments reflects relational hierarchy of prepositions. Speech-meaning of prepositions is determined by the following factors: 1) lexical meaning of the context components 2) grammatical properties of these components, 3) grammatical structure of the sentence, 4) conceptual structure of the sentence, 5) interrelations between manifestations of the same abstract prepositions in different environments, 6) central syntagmatic oppositions of prepositions 7) peripheral syntagmatic oppositions of prepositions. Language-meaning of prepositions is determined by the paradigmatic relations, i. e. by the oppositions of syntagmatic sets of prepositions. The notion of non-full syntagmatic set reflects the connexion between speech-level and language-level prepositions.